

Чудесные
зимние
истории после ДТП

Volga
(Анастасия
Жаландра)

18+

Ivolga (Анастасия Каляндра)

**Чудесные зимние
истории после ДТП**

«Автор»

2026

(Анастасия Каляндра) I.

Чудесные зимние истории после ДТП / I. (Анастасия Каляндра) —
«Автор», 2026

Порой чудеса происходят не так, как рисуют их в мультиках - не по взмаху волшебной палочки, не в туче из легких искрящихся звездочек, что кружатся вокруг старой тыквы, её превращая в карету. Порой чудеса происходят и при иных метаморфозах реальных вполне даже транспортных средств, и в тяжелых условиях для участников этих событий. Не в мгновение ока, а лишь после тщательной, вдумчивой, сложной работы их над самими собой. Порой чудеса в жизни самые важные - это даже не то, что приходит извне в нашу жизнь, а то, что мы находим внутри себя или растим в душе вместе с Богом. И чтобы мы наконец-то позволили им в нашей жизни случиться, порой нам пройти нужно через тяжелые испытания, без которых, увы, мы никак всё не начинаем задумываться и менять свою жизнь. В историях этого сборника Вам встретятся люди, которые после или во время сложных для них происшествий, чудесным образом встретятся с важными для них людьми, или с людьми, для которых они важны. И проживут свои чудеса. Приятного чтения!

© (Анастасия Каляндра) I., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Никому ненужность	5
Страшный звонок	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Чудесные зимние истории после ДТП

Никому ненужность

Люди, родившиеся свыше, часто становятся лишними для мира земного. Мир их выталкивает как не своих - что, в общем-то, и понятно. Они чужеродными становятся для этого мира людей, а от того и жить им в нём становится сложно... Конечно же Божья любовь заменяет собой человеческую и превосходит её многократно по силе и значимости, но бывает что злость людская - откуда ни возмись вдруг появляющаяся, чуть только ты становишься начнешь человеком новым - делает жизнь в мире очень тяжелой. Так вот случилось и с Таней. Она родилась на земле двадцать два года назад. А родилась в Боге только вот три года с четвертью как. А сегодня... сегодня ей пережить предстояло ещё одно, можно сказать, на земле человеческой, рождение. Но только пока она вовсе об этом не знала. А знала лишь то, что ей жить здесь становится только сложнее и сложнее с каждым днем, с каждым часом, минутой... Ведь ненависть мира к ней всё росла и росла, как комок снега, что какой-нибудь малыш катит зимой по земле. И сначала была она легкой, белой, пушистой - почти невесомой - которой и кинут в тебя как снежком: засмеешься и только. Потом она становилась тяжелой - всё тяжелей, тяжелей... Такой уж слегка и могло придавить... Потом стала ветки и палки с земли собирать, как комок десять раз уж по одному и тому же месту неумным ребенком прокаченный... эти ветки уже начинали колоть... становился комок колким, грязным, ужасно противным на вид, и катился, катился всегда за тобой, настигал...

Сперва к Тане как к неродной относиться все стали родные. Смеялись над верой её и дразнились - кто посмелей-понаглей - или даже ругали - кто покультурнее. Но это она прожила хорошо. Это было понятно - ведь всех будут гнать так за веру, как гнали Христа - и это гонение можно лишь честью считать, а не горем. Одно тяжело только - что столько любимых людей не имеют в душе своей Бога... Но это была ещё боль за других. А за себя почти было не больно - все раны тотчас возносила она по их получению к Богу, и Он их залечивал - ласково, бережно, безболезненно. Но "сюрпризом" для Тани стало почти сокрушительным то, что и в церкви - в собрании, что она посещала - все вдруг ополчились в какой-то момент жутко против неё. Теперь уж всё было не так очевидно... Как знать - эти раны ты терпишь за Бога или напротив - ты чем-то теперь перед Ним провинился?... Ведь ранят теперь тебя братья и сестры по вере, как Тане всегда о них думалось. Да и эти уж люди, хотя и не являлись родными по крови - по духу ей ближе ведь были, чем близкие даже, а значит... Посеял удар этот, из сотни мельчайших ударов сам состоящий, в душе её массу сомнений в том: верно ли Таня живет, всегда ли правильно мыслит, и понимает ли Бога?... Возможно - ей всё это очередной, просто, знак: что она, вот, стоит на том верном пути, с которого мир земной вечно всех будет сбивать, кто на нем оказался. Но возможно - и знак ей, напротив, задуматься над собой и своими ошибками, и с пути уже выбранного ею немножко свернуть, чтобы выправить искривившуюся незаметно дорогу?... Когда ты колеблешься - шаг твой становится шатким, и на пути ты уже не шагаешь уверенно к Небу, но остановишься и стоишь, сомневаешься. И Таня в сомнениях этих погрязла, как будто её снежным комом уже придавило и дальше идти не дает. Из церкви ушла - всё равно ей там были не рады... Хотя, вот, она ведь там делала всё - всё что нужно: служила, участвовала в любых начинаниях, работала с сестрами и братьями на миссии... Но почему-то её все в какой-то момент стали гнать - невзлюбили... Вот невзлюбили и всё тут. Неужели и люди, которые слышат о Божьей любви каждый день, и о ней говорят даже сами - не знают любви, не имеют её

в себе к ближнему?.. Должны бы любить и врагов - а не любят и друга... Или друг этот просто так плох?.. Ушла когда Таня - совсем одиноко ей стало и страшно: ведь от родителей и ещё раньше съехала - живет теперь в съемной квартирке. И, мало того - одиноко и страшно - ком дальше катился и стал собирать в себя вдруг абсолютно ей посторонних людей, от которых и ждать-то она не могла никакого подвоха. А люди совсем незнакомые - ранят порою ещё ведь больше чем близкие и чем друзья... Ведь они задевают за самую суть твою тем, что - вот, совершенно не зная тебя, да и то - ненавидят. Как будто бы ты от рождения какая-то жуткая и все вокруг это чувствуют сразу. От них ты не ждал и не знал, да, любви, как от близких, друзей... но... ведь в них вероятнее было её, даже будто, найти - чем во всех, кто уже был с тобою знаком. Вероятнее - ведь эти люди и отношения твои в мире с ними - ещё все как свежие, чистые, белые листы - ничем незапятнанные, ничуть не затертые ещё временем. На них ещё так вероятно могло б появиться хоть что-то хорошее!.. Хоть что-то красивое и органичное... Вероятнее - чем на расчерченных сплошь и поперек уже, заполненных старых листах. Но вот... Даже люди совсем незнакомые стали на Таню озлоблены будто и ополчались вдруг - постоянно: то тут то там. Во времени плотность её с ними встреч тоже всё нарастала, и к вечеру этому пика достигла. Вчера позвонили ей и сказали что после новогодних выходных её на работу не ждут - попала под сокращение. Тут же во всех других похожих компаниях, куда она могла бы устроиться, и которые экстренно все обзвонила (ведь время терять ты на съемной квартире с ежемесячной платой не можешь) - ей отказали. Пришлось позвонить сразу маме: узнать - если вдруг не найдет она вскоре работу... не смогут ли чуточку ей поначалу помочь материально родители?.. А мама расплакалась и ругала в ответ её с искренней болью за то что всю жизнь им приходится только с отцом и пахать на неё, обеспечивать странные и бесполезные дочери капризы - такие как съемная эта квартира - и исправлять её неудачи - такие как эта потерянная работа - а жизни совсем у них нет, и вообще - эта Таня позор их семьи, не достигший к такому-то возрасту ничего, о чем хоть сказать можно было бы людям без смущения, стыда и неловкости, и вообще - фанатичка, ввязавшаяся в религиозную секту, которая ей, уж видно, важнее чем родители. В конце концов мама бросила трубку, а Таня осталась одна - сидеть в пустой комнате и рефлексировать. Она понимала прекрасно что всё ей сейчас сказанное - не совсем верно... да и во многом неверно и вообще - ни в какой она секте не состояла, допустим - а просто собрания посещала обычные, и никогда фанатично не верила... В жизни достигла она очень многого - самого главного: того что теперь знает Бога, да и в карьере всё шло у неё хорошо если бы не... Да, то что уволили её так вот внезапно - она понимала это прекрасно - неверно тоже неправильно по отношению к ней, а не с её стороны, но... даже и здесь мир как будто бы ставил её верный путь под сомнение... Да и себя обеспечивала она с тех самых пор, когда только сумела работать - поэтому мамины обвинения звучали почти возмутительно, но... Ведь эмпат, коим Таня была безусловно, всегда ощущает и боль что в груди у другого. И мамину боль ощутила она через трубку так остро, как десять своих... И, пусть даже она знает точно, что все обвинения эти совсем незаслужены - но ведь их человек правда, искренне, справедливый сам в себе чувствует считает, и обижается на неё абсолютно уверенно, и себя он обманывает не замечая обмана - а значит: в любом случае - волей или неволей - она причинила своей маме боль. А значит - она виновата... А значит... Вина навалилась на Танечку вместе с сомнениями и давила так сильно, что больше ей сдвинуться никуда не хватало энергии, кроме как за продуктами в магазин на ночь глядя. Да кошкам ещё отнести, что под домом соседним живут, хвосты рыб замороженных (только что сваренных но оставшихся даже не съеденными - ком просто у Танечки в горле стоял). Хотелось пройтись и развеяться, ведь ощущение что она всем мешает и никому от неё в мире радости нет, или пользы хотя бы, давило и пачкало душу... и даже молиться могла она так - лишь едва - с трудом только руку протягивая к Небу из-под огромного снежного кома, не в силах и слов подобрать для вопроса о том - это все-таки мир стал жесток, или Таня настолько ужасно стала?.. Внутри, впрочем, твердо жило осознание

того что она всё в своей жизни делает правильно, и не грешит, и людей вокруг любит (не то что - они, вот, её), и живет всегда с Богом - старается - соблюдая законы Его и прислушиваясь ко всем советам... Но и давление кома настолько усилилось за последние пару дней, что казалось - вот-вот она скажет себе: "Я во всём виновата... Я лишняя... Я всем только мешаю... Зачем я?... Зачем?!" - и уже эти фразы мешались тихонечко в голове с её твердой уверенностью, пока Таня шагала по зимнему вечернему двору к тому выходу из подвального, где кошкам всегда оставляют еду. Дышать постаралась легко, глубоко - чтобы чуточку стало полегче. Утешить старалась себя мыслью что - вот: ты нужна... Ты полезна... Ты кошкам несешь столько рыбьих хвостов, щедро с мясом отрезанных... Хотя бы уж этим бездомным животным, которым зимой без еды выжить сложно, способна ты, Таня, помочь. Хотя бы живи ради этого... Хотя бы... когда станет слишком уж сложно - так вспомни про кошек: ты им очень сильно нужна, Тань... им, и голубям, и воронам... Пожалуйста, помни про это. Весь мир убеждать тебя будет что ты не нужна здесь - но знай: ты не только лишь Богу на Небе нужна, но и тем, кто нуждается в помощи здесь, на земле - даже тем же, несчастнейшим на самом деле ведь, людям, что гонят тебя и никогда не оценят здесь, на земле, твоей помощи... Пусть не оценят!.. Пускай! Просто делай для них что-нибудь, пока ты ещё здесь, и оценит всё, главное, Бог. Он уж всё видит и всех за всё вознаградит. Делай добро и будь нужной не за признание от мира, а из любви - чистой и безусловной. Не все её могут дарить - а ты хочешь. Так ради того только хотя бы живи. И всегда помни, Тань: ты нужна... Не смотря ни на что...

Девушка приближалась уже к кошачьему форпосту с этими мыслями, и разулыбалась, издали увидав возле окошечка подвального бабушку, что склонялась к кошачьей будочке, где всегда ставят люди еду. Тоже кормит наверное. На душе от того потеплело - ведь это всегда так приятно - встречать тех людей, что творят добро тоже и не забывают о милости к бедным, незащищенным существам, что нуждаются в помощи но не могут её попросить. Наверное - это та самая женщина, о которой уже Таня слышала. Как-то тут же она вот несла рыбку кошкам - но днем - и самих кошек здесь не застала тогда, но зато кто-то... кто - уж не помнит совсем - из жителей двора с ней коротко доброжелательно перекинулся парочкой фраз, и заметил на тему кормления кошек - что "Здесь, вот, обычно всегда женщина кормит..." - и как-то так странно заметил - таким неуверенным тоном, скривившись немного (с жалостью что ли?... или неуверенностью?..) про женщину - что Таня всё никак ума не могла дать до сих пор этой интонации. А женщину так ещё до сих пор сама и не встречала. Теперь же - как раз подходя ближе и уже пробираясь по заснеженному палисаднику к кошечкам - Таня увидела её ближе: сначала ещё со спины - разгибающуюся как раз после организации кошачьего кейтеринга - потом и уже в профиль. Женщина повернулась немножко, завидела кажется Таню, к ней и к трем кошкам, обнюхивающим уже угощение, приближающуюся улыбочиво, и забормотала что-то тихонько и нервно себе под нос. Что-то вроде: "Не надо... Нн-нне-еее надо..." - но что "не надо" - Таня не поняла. По женщине же было видно что, кажется, она немножко больна одною из тех очень мягких и чуть заметных (но всё же заметных) болезней либо нервов либо чего-то ещё. Ведь интонации её и движения казались какими-то очень растерянными-отрешенными от всего, а потому - будто бы чуточку болезненными. Нет, Таня решила не делать так сразу выводов - ведь это не хорошо. И, в любом случае - даже если и болеет слегка человек - то уж он, всё равно, много лучше других - кто не делает столько добра в этом мире. Во всяком случае - просто ей стало понятно немножко - что, видимо, это была за необычная, странная такая интонация у её забытого собеседника, когда говорил он о бабушке. Таня продолжила медленно, осторожно и мягко подносить свою рыбу к кошачьему обеденному столу, чтобы не спугнуть ненароком собравшихся здесь за столом хвостиков. Как много их к бабушке собралось!.. К самой Тане - разве что выбегут, подойдут осторожно и издали будут ждать - пока не убедятся что Таня к ним только с едой, а не с какими-то злыми намерениями, и тихонечко, насторо-

женно подойдут еду нюхать уже только когда она чуть отойдет. Но возле бабушки смело, вот, ходят, как будто ручные, и кушают что-то с пластмассовых белых тарелочек. Наверное - к ней уж привыкли: она ведь всё время, наверное, кормит. За доли секунды и радостно стало ещё чуть сильнее Танюше, что есть в мире люди такие - хорошие - и стыдно самой за себя одновременно: что, вот - она только лишь изредка кошкам приносит поесть: когда у самой что-нибудь остается - а так чтоб кормить регулярно, всё время, не забывать о беспомощных маленьких жизнях - не кормит. Ей нужно равняться вот на таких вот как бабушка и становиться всё лучше и лучше самой с каждым днём.

Между тем бабушка ещё более нервно и скоро стала говорить: "Не н-надо...", когда Таня поставила уже свою рыбу на банкетный стол, и девушка тут поняла что уже смотрит женщина теперь именно что на неё, и уже точно к ней обращается. Да и фраза тут стала длиннее и внятнее:

- Не-ее нн-надо, не ставьте!.. - но Таня уже ведь поставила, и теперь поглядела только испуганно, непонимающе на бабушку. А она вдруг как стала кричать, - Не надо - ну дайте Вы им поесть!.. Они же сейчас испугаются!.. И убегут!.. - Таня заметила что кошки от этого крика насторожились сначала и, оторвавшись от еды, поглядели на бабушку, а потом одна, правда, с обеденной тумбочки соскочила и побежала вдоль тепловой трубы к другому окошечку из подвала соседнего дома, чуть останавливаясь иногда и оглядываясь по пути настороженно на кричащую дальше женщину, а ещё одна просочилась под тумбу в подвал... Ещё одна точно осталась - уверенно кушать не взирая на обстоятельства, а поискать взглядом четвертую - тут ли она или нет - не хватило у Тани энергии от шока. Она только стала оправдываться, уважительно по возможности, улыбаясь, но внутренне возмущенно:

- Ну... я же им тоже еду принесла...

- Вот зачем?!. Зачем Вы это сделали?!. - сокрушалась громко - на весь двор - незнакомая женщина, - Они убегают, Вы видите?!.

- Да они убегают от крика - что же Вы сами кричите-то, женщина?.. И вот - ещё, видите, одна здесь ест... - попыталась как можно тактичнее успокоить Таня, внутри у которой обида не клокотала во всю потому только может быть, что даже не верилось в то что ситуация такая странная и правда, вот, может с ней происходить.

- Вы не могли подождать?!. Что бы они поели!.. Я им... сама... только что... купила еду!.. В магазине!.. Принесла!.. А Вы... Всё испортили!.. Это же сейчас всё замерзнет!.. Вот зачем Вы это сделали?!.

- Ну, я им тоже сама... еду... сделала... принесла... И я не могла ждать - мне по делам идти надо - я с рыбой ведь не могу ходить?.. Я с рыбой из дома вышла и по пути хотела, вот, кошкам оставить, а потом дальше идти... - попыталась хоть как-нибудь оправдаться и убедить женщину в своей невиновности Таня, сама отходя от неё уже всё дальше, как оглушенная - как будто хотела сбежать от полиции с места преступления, и одновременно доказать что она невиновна в нём абсолютно.

- Ну... Могли бы туда вон поставить!.. - сокрушенно кричит женщина, до слуха которой дошли, вроде бы, хоть какие-то, оправдания Тани, и указывает на соседний дом, где окошечко из подъезда расположено под такой низкой планкой, что подлезть туда - обо всю стену выпачкаться в массивной-то верхней одежде.

Но этот довод, однако, Таню, кажется, оставил уже без шансов на дальнейшие оправдания, хотя она и пыталась ещё что-то кричать успокаивающее женщине в ответ - но сама отходила всё дальше и всё быстрее от места перепалки, уже ощущая что виновата сама, и действительно нужно ей было прислушаться вовремя к женщине, а не распугивать кошек - поставить еду у другого окошка, где кошки почти никогда ничего не едят, а оставленная им еда остается замерзшей... но возможно - теперь бы и съели... а так - ни её, ни бабушкин корм не достанется, может, хвостатым, и возможно что женщина эта права... Она знает кошек - не то что, вот, Таня... К ней тянутся кошки, а Тани пугаются... Они ведь, наверное, чувствуют как-то людей...

- Ну что-ooo же это такое?! - кричит, стоя у места кормежки, всплеснув руками и чуть ли не с плачем несчастная женщина, - Даже доброе дело - и то нельзя сделать спокойно!..

Таня быстрее и быстрее шагала подальше отсюда, засунув руки в карманы от мороза и ощущая что всё равно жутко холодно ей и жар по всему телу ходит волнами с тем одновременно... Хотела ведь просто тихонечко, незаметненько сделать хорошее дело - а вот... Получился скандал на весь двор. "Даже доброе дело - и то нельзя сделать спокойно!.." - слова эти мысленно возвращала она странной женщине, и возмущалась, и обижалась... но сердце сжималось от отзвука крика её, что звучал теперь в памяти, да и как будто в ушах ещё эхом... И за себя было тошно, и за неё было больно. Может быть... может быть ты сама виновата, действительно, Таня?.. Может быть... нужно быть чуть внимательней к людям?.. Прислушиваться вовремя и не лезть напролом, когда просят тебя об этом ещё по-хорошему?.. Может быть... может быть даже и то, что она внутри чувствовала сегодня ещё сама с собою - неверно?.. Может быть... может быть слишком самодовольным настрой её был тогда, когда с радостью резала сегодня она рыбу, морозила руки о размороженный тогда ещё до конца минтай, срезая все плавнички с него тщательно специально для кошек и наслаждаясь сознанием того что готовит не только себе, но и нуждающимся зверушкам здоровую пищу?.. Возможно она согрешила, гордыню в себе допустив и залюбовавшись таким своим "добрым поступком"?.. Хотя... Вот - действительно, почему нужно так вот сражаться за право быть благодетелем, как сражается эта женщина - чтоб забывать о самом добром деле и отпугивать тех, кто захочет присоединиться и тоже помочь?.. Ведь её, вот, еда - магазинная: Таня не рассмотрела, но женщина ведь ей сама и сказала об этом. И корм ведь какой-то химиченный, из пакетика - которым ты кошкам здоровье испортишь и только... А Таня сама постаралась - минтая нарезала им натурального... А она...

Таня попеременно то обвиняла себя, то оправдывала. То призывала в свидетели от стороны защиты того человека что понимал - эта женщина странная... То сокрушенно выслушивала и свидетелей обвинения: разбежавшихся кошек...

В ней суд этот только прервал магазин. Ей пришлось оторваться от развернувшегося внутри уголовного процесса - стукнуть молотком по трибуне и, ослепленной ярким желтым светом из автоматически раскрывшихся перед нею, хотя и не сразу, дверей, взять тележку и зашагать целенаправленно по рядам за нужными продуктами. Это немножко как будто бы отвлекло. Но потом зазевалась она в узком ряду, стоя рядом с оставленной тут же тележкой и в приложении программы лояльности проверяя свои скидки. Тут очень недовольный услышала рядом голос мужской:

- Можно пройду пожалуйста?..

- Да-да, конечно...

Мужчина этот с тележкой - высокий настолько, что даже лица его она так и не увидела, не решившись поднять глаз от неловкости, и только запомнила что в массивном темно-синем он пуховике - так больно добил сейчас просто, своим этим, новым напоминанием Тане о том что она в мире только мешает... что... хотя она и возмутилась внутренне его грубому тону, который к незнакомому человеку, а особенно - девушке - недопустим, но... зашагала она прочь из магазина, забыв о продуктах или решив что ей вовсе их, вовсе не надо... такой ей... бросила кое-как тележку у входа, потом развернулась обратно, себя укорив как за страшный поступок в том что - вот, и тележку она абы как бросила, и теперь она будет мешаться другим покупателям - дрожащими руками внедрила это транспортное средство для продуктов в цепочку таких же других, и выскочила на улицу, затормозив правда у глупых дверей, что опять её сразу как будто бы и не заметили... Пошла куда только глаза глядят, вся дрожа и дыша тяжело и прерывисто так, как быть может ещё никогда не дышала... Шагала, шагала, шагала, шагала не глядя - куда... а потом - скрежет шин рядом по снегу, визг тормозов прямо под ухом и-ии... Только подумать успела, в слепящие фары взглядевшись, что, вот - ещё пару дней ведь назад и не сомневалась бы даже что к Богу пойдет в таком случае... а теперь... думает - правда ли, вот, достойна?.. Хотя ничего ведь плохого не сделала за эти дни - одно только хорошее. Только ей люди - плохое... так почему же тогда?..

Очнулась спустя несколько дней в больнице. Подняться не может. Пошевелить ничем тоже. Даже говорит едва. И дышать... дышать тоже немногим лишь легче, чем до машины дышалось в последний момент. Но говорят что пойти она скоро должна на поправку. Только вот - насколько далеко она в этом пути на поправку дойдет: неизвестно. Возможно - что полностью восстановится, а возможно - что в кресле останется до скончания дней... Скоро Таня отчетливо понимала уже что с ударом машины мир бить её не расхотел - удары продолжились - только всё хуже и хуже. Сначала пришла к Тане мама, которая и не раз уже приходила, пока она только ещё не могла того знать. И было ясно по ней что идея возиться теперь с инвалидом - ещё много меньше её вдохновляет - чем просто иметь никудышную дочь. Таня чувствовала теперь за маму на дни, дни и годы вперед - как ей будет всё это тяжело - ухаживать за позором своей целой жизни, да теперь ещё и позором с ограниченными возможностями. Это было невыносимо - что стала она ещё большей обузой для мира, ещё больше теперь всем мешает, и даже добра делать толком не сможет... В аварии тоже сама она, вроде бы, была виновата - переходила в совсем непопозволенном месте, и на дорогу совсем резко выскочила. Да и наехавшим на неё автомобилистом был жалкий такой человек - лысоватый, растерянный, что пришел тоже к Тане в палату и умолял не писать заявление и не давать хода делу - ведь, всё равно, при желании она бы могла попытаться и отсудить у него хоть какую-нибудь компенсацию, не смотря на то что сама виновата. У человека семья и кредиты, он, вот, и так не справляется, а тут ещё... Таня всё понимала - зачем её даже просить?.. Она понимает что виновата сама. Во всём, во всём виновата... Сама попросила ещё у мужчины прощения за лишние нервы, и отпустила его с миром. А мама потом отругала за это - ведь лишние деньги не помешали бы на лечение: что ж, всё теперь что ли одним им с отцом собирать, когда денег и так ни на что нет?.. А Таня пообещала что постарается заработать сама... Да уж конечно она заработает - как же!.. Сейчас миллионы начнет загребать вдруг лопатой в таком состоянии! Но Таня действительно думала что может быть и сумеет. Молилась часами, минутами, днями - просила дать снова здоровье ей, ведь... если даже она в чем-нибудь нагрешила, если даже она не достойна - так почему же страдать будут рядом другие?.. И появлялось здоровье, действительно. Стала руки сгибать, стала приподниматься уже, говорить стала легче, быстрее - да и вообще ощущала что всё улучшается как-то. Придумывала себе днями работу - какую она сможет делать почти не вставая?.. И наконец-то придумала. Да по душе. Загорелась действительно даже желанием так вот работать, как ей вдруг придумалось - только вовсе не знала: получится ли заработать?..

Руками ещё делать Таня совсем ничего не могла - разве что ме-еедленно на телефоне какие-нибудь тексты печатать. Но ведь она может, значит, печатать хорошие тексты!.. Попробует... Никогда ничего толком Таня ещё не писала - но может быть у неё и получится?.. Она станет, может, вести личный блог... анонимный - зачем ей себя выставлять?.. Она что?.. Ничто - ничего совсем толком хорошего. Мысли только, быть может, ещё есть хоть капельку ценные у нее в голове никудышной, и она поделится с людьми ими может. Пусть будет страничка в какой-нибудь соцсети с вдохновляющими словами о Боге, о смысле, о вере, о жизненных путях и о сложностях на них встречающихся. Ведь Таня уже много сложностей встретила на своем не столь долгом пути - и научилась со многими даже бороться. Ещё не со всеми... но всё же - хоть в чем-то она и других людей может приободрить, поддержать... может быть - если получится у нее вообще строчить тексты. Она ведь ещё и не пробовала. От того что есть мысли внутри - не научишься сразу писать ведь совсем точно так, как они внутри чувствуются - может быть что совсем по-другому напишешь и выйдет совсем что-нибудь... не такое. Но если уж выйдет... хоть что-то... так она бы могла реквизиты оставить для всяких... донатов, так скажем. Может быть кто-нибудь и начнет помогать - и это тогда будет ей не деньгами лишь только (что уж и так было бы хорошо) - но подтверждением что и она может быть в мире нужной: и она помогает кому-то хотя бы уж словом.

В больнице лежать пришлось долго, и потихоньку в это время она начала излагать все что думала - понемножку, фрагментами - и выкладывать в сеть. Сама о себе ничего не писала - не надо ни выставляться, ни уж тем более точно на жалость давить. И... конечно же никакого почти выхлопа не было вовсе из этого. Ни-ка-кого... на первый взгляд. Блог популярностью вовсе не пользовался - никто вообще туда, кажется, не заходил никогда. Спустя несколько дней только кто-то зашел и полайкал все-все посты ночью. Обычно так делают чисто в технических целях каких-то - подписчиков например себе новых набрать или... Но, правда, аккаунт того кто полайкал и подписался - ещё был пустым. Но возможно на будущее так набирает подписчиков человек: потом развернуть хочет бурную деятельность на подготовленной почве. Ну, Таня тоже в ответ подписалась - что, жалко ей что ли?.. Раз человеку так нужно - то пусть. Дальше всё продолжалось так ровно, как только могло - снова в блог заходило, ну максимум ноль человек, а один только этот подписчик её посты лайкал - наверное тоже в рекламных же целях. Не верилось Тане что кто-то её тексты может читать и вообще. Но это теперь было ей и не важно: она все равно не могла ничего эффективнее делать пока, а уж значит - что попусту время никак не теряла. И, главное - ей самой оказалось до ужаса нужно писать то что пишет теперь - для себя. Чтоб самой успокоиться и разобраться в запутанных чувствах, самой убедиться ещё раз во многих вещах и их собственном понимании, вспомнить иной раз позабытые выводы и самой вдохновиться немножко жить дальше. Посты эти стали для Тани такой терапией, которой в больнице ей так не хватало... Не только её телом снова училась душа управлять, но и брать управление жизнью уверенней снова могла уже Таня, лишь Богу в ней отдавая роль большую чем себе - но не людям уже так, как, было чуть не отдала только что - а ведь именно так это и ощущалось... Ведь Таня почти отдала свою жизнь в руки чужого, стороннего мнения - чуть ни согласилась с ним как со своим, не поставила выше его даже реального личного опыта, который сама прожила... А людям нельзя отдавать управление своей собственной жизнью - нельзя никогда. Они не справляются ведь с управлением часто. И жизнь твоя просто несется под их управлением в кювет.

Таня просто писала и оживала от этого. Но не надеялась больше ни на какие финансовые результаты, что могло бы ей принести это дело. Даже крепить реквизиты уже перестала. Во всяком случае: что ей могли дать финансы?.. Уменьшить чуть-чуть её чувство вины перед мамой, допустим, да перед самой собой. Помочь ей не только сидеть у родителей дальше на шее, а и самой обеспечивать как-то себя и свой хлеб. Но и тексты ей помогли ощущение такое почти обрести, как если бы она независимой снова была - убеждалась она с каждым днём,

создавая их, в том что достойна чего-то на свете как самостоятельная единица не лишь потому что полезное что-нибудь делает - а и потому что живет, вообще, просто. Она уж и так ощущала себя чуть-чуть лучше, даже и глядя в глаза перспективе быть, в первое время хотя бы, на хлебнищей. И, видимо, перспектива такая была абсолютно реальной. Уже никакой для себя больше Таня теперь совсем и не видела. Выписывали через день, и пока она двигалась только в коляске. Хоть руками уже могла двигать и на руках же сама подниматься с коляски и снова садиться, да выполнять ей необходимые бытовые задачи - но ходить и вставать ещё предстояло опять научиться, а пальцев моторика тоже не до конца ещё восстановилась. По крайней мере уж будет маме не сильной обузой - всё дома попробует делать сама: вот только самой ей спускаться на улицу может быть будет непросто, да деньги только придется опять проедать что родители заработали. То Таню хоть очень теперь сильно радовало - что лечение её у них денег не отняло: всё умещалось пока что в страховку. Лечиться за деньги родителей, с их постоянными Тане упреками - было бы просто невыносимо. Это большим было чудом - что так она быстро пошла на поправку и избежала судьбы незавидной: судьбы грабительницы своих собственных родственников, которым пришлось бы отдать тогда кровные деньги почти ни за что - за то, чего быть бы совсем не должно было, если б не Таня и разгильдяйство её. Это, действительно, было прекраснейшим чудом, за которое она внутренне не переставала всегда благодарить.

Но тут вдруг случилось и чудо ещё одно. Даже более неожиданное и непредвиденное: ей вдруг на карту пришел перевод в целых сто (Вы представьте себе только - СТО!!!) тысяч самых типичных, реальных рублей. Неужто на блог кто-нибудь задонатил?.. Не верилось Тане самой в это вовсе. И маме её не поверилось тоже, когда объявила ей Таня что хочет им подарить с папой аж шестьдесят целых тысяч за то что они тут возились, вот, с нею, пока Таня, вот, восстанавливалась, и за то что растили её, вообще, и... за то что такая она у них... что проблем вечно с ней у всех столько... И... Мама узнала тогда - откуда же это деньги такие взялись? И Таня ей в общих чертах описала. Призналась и в том что вообще получила сто тысяч - но только решила пока всё же десять из них, вот, оставить на первое время себе на расходы, и тридцать отдать за квартиру - звонила арендодателю, у которого и снимала квартиру, узнала что всё ещё эта жилплощадь свободна, и описав ему честно ситуацию, договорилась вселиться опять, оплатив пока только один первый месяц - а там уж посмотрит...

- Да ну... Кто-то наверное по ошибке тебе перевел. - не поверила в силу искусства словесного Танина мама.

- Наверное... Я и сама тоже так, в целом, думаю... Но я ни телефона не знаю того, кто отправил, ни выслать обратно никак не могу - нет в приложении у меня такой функции. Я даже звонила им, в банк, узнавала - сказали: пока никаких к ним претензий не поступало по поводу денег случайно куда-то отправленных... ну...

Мама, впрочем, брать деньги не стала - ведь "всё равно потом Таня просить у нее снова будет - пусть у нее лучше сразу уж и останутся", но с тем чтобы Таня жила теперь снова одна - спорить даже не стала. То ли потому что её дочь действительно убедила в том, насколько самой ей так будет намного и проще и легче, и в том что всё-то совсем она может, теперь уж, сама... то ли потому что ей и самой, в самом деле, хотелось бы чтобы всё так и сложилось. Не знала Таня - но легкость, с какой приняла её мама столь смелое для положения сложного Таниного нынешнего решение, ещё раз убедила в том девушку, что она приняла его правильно. И ещё раз убила, хотя и обрадовала.

Пару следующих дней она блог не вела, хотя мыслей и чувств накопилось за них много так что ведь уйма постов получилось бы. Но просто на них сейчас не было времени. Сборы и переезд из больницы, с которым родные хоть помогли, первый день на её новом старом месте,

а в новом этом дне - абсолютно, до капли, ушедшие силы на то, чтобы как-то самой ко всему приспособиться здесь. Мама с папой забыли (наверное) подумать о том, чтоб оставить ей перед отъездом еды, а сама она тоже об этом совсем не подумала. И вышло - что только остался ей из провизии в доме тот замороженный акционный минтай, который тогда ещё, в тот день когда она и попала в аварию, не вошел в её первую приготовленную партию. Заказывать никакую доставку совсем не хотелось - ведь деньги нужны были впрок - вдруг ещё долго доходов не будет совсем никаких (вдруг работу она не найдет?) а потом заниматься ей придется у мамы и папы?.. Копейка любая была дорога. Поэтому в первый день Таня решила разделать минтая, а уж на следующий - как-нибудь выбраться самостоятельно в магазин.

Минтай не давался легко: пальцы и так не работали толком, а он ведь ещё холоднющий что жуть!.. По итогу, отрезав хвосты все и плавники, Таня выбилась вовсе из сил, а ещё предстояло идти теперь в душ, потому что минтай, как хороший пульвелизатор, раскидывал брызги во всю - словно свои годы в плавании вспоминал и то, как плескался он в волнах, разбрызгивая капли теплой, блестящей на солнце, воды. Забрызгал и Таню он всю. Пришлось кое-как ей справляться с мытьем. Зато убедилась что может - теперь сама может - и волосы вымыть, и высушить феном, и даже не десять часов на всё это потратить. Всего часа три. И убедилась ещё в том что жить теперь ей, конечно же, будет так... сложно. Конечно - одной в таком состоянии оставаться рискованным было и непосильным почти что решением. Но, кажется, необходимым. Минтай ею съеден был с аппетитом огромнейшим после всех долгих и сложных трудов, и заснула она как счастливая жутко, так и настолько же жутко несчастная.

На следующий день всё ломило, но не сдаваться теперь было нужно, как Таня решила, а дальше себя развивать в этой жизни: тем более рыбные хвостики долго не будут ведь ждать в холодильнике - пора их нести во двор кошечкам. Пойдет лучше днём... а вернее поедет... пока этой женщины нет - ведь она, видно, по вечерам только кормит. Не хочется что-то встречаться... Да и продуктов купить нужно тоже. Как раз день погожий и солнечный - хотя и морозный скорее всего. Так что Таня решила спускаться. Подъезд более или менее преодолеть удалось, хотя с небольшим вот порожком на выходе не знала она как сама бы и справилась, если бы женщина ей не помогла, что в подъезд заходила. И как она будет обратно въезжать?.. Пока Таня о том постаралась не думать: потом может как-то решится задачка - зачем настроение сразу себе этим портить?.. И так страшновато немножечко ведь от того что опять приближается она к тому месту, где кошки - возможно лишенные ужина ею... И так не легко - ведь крутить колеса руками, к чему и так ещё она приспособилась не совсем в принципе, оказывается холодно, да снег ещё липнет всё время, а на коленях трясется, в любой момент готовая перевернуться, подложка с минтаем. Сломать по снегу и льду эту коляску - подержанную, которую раздобыть ей самой удалось за бесплатно на сайте бесчисленных объявлений - тоже страшно. Потом покупать что ли новую?.. Бесплатной другой не найдет уж наверное больше - и так просто чудо что эта нашлась, да ещё абсолютно рабочая.

Чем ближе к кошачьему логову - тем тревожнее Таня по сторонам всё оглядывалась - нет ли здесь женщины?.. Но её рядом не было. Кое-как въехав на палисадник, в снегу оставшийся так же, как в прошлую встречу её с этим местом - к кошачьей, картонкой застеленной, тумбочке Таня подъехала, увязая в снегу, и минтай принялась оставлять... и... глазам не поверила даже... наверное в то время пока она пробиралась по палисаднику, откуда-то кошка сюда к ней уже прибежала - вот, рядом совсем, и подходит уже ближе, ближе... неужели её не боится?.. Её - такую, тем более, страшную в этой чудо-коляске, в каких не видали наверное кошки людей в их дворе... Вон ещё один хвостик уже рядом, сбоку, мелькнул, и совсем рядом с Таней уже оказалась и кошка другая - принюхивается к оставленной формочке с головами-хвостами и с аппетитом зубами пощелкивает... И вторая всё ближе подходит. Кошка же, что совсем рядом, берет смело почти совсем голову и соскакивает с нею с тумбы. Там голову выронила и опять принялась в зубы брать... А вторая подходит... совсем рядом ведь кошки - вот их зубки видны,

и букетики белых усов... Неужели и к ней могут кошки вот так подходить, как к той женщине?.. Неужели не чувствуют в ней они человека плохого настолько, что б держатся им в стороне от нее и боятся?.. Таня не верила в это, а потому и не уезжала, пока кошки в подвале своем не исчезли, прихватив с собой по одной голове - что, очевидно, востребованный деликатес у хвостатых, живущих в одном с ней дворе... Не верилось. Таня сидела и плакала, улыбаясь периодически, когда сил на это хватало... Спасибо вам, кошки... Спасибо... Спасибо... что взяли еду... ЕЁ, ТАНИ - такой никудышной и вредной, такой лишней в мире, всем ненавистой - вы взяли еду... Вы даже представить себе не можете: что для нее это значит!.. Не представляла и Таня сама, пока, вот, сейчас не почувствовала... Жгут слезы ей щеки, на сильном морозе бегом застывая, а Таня сидит и не верит сама своему счастью... Спасибо вам, кошки!..

Вместе с счастливо-болезненными слезами, пролившимися кажется теперь из её прошлого, к Тане вернулось, однако и чувство - то самое чувство - что в мире она очень сильно мешает. Да, слезы его вымывали из сердца - но и несли ведь опять за околицу через глаза. А поэтому, видеть она снова стала на время всю жизнь через призму его. И особенно это чувство усилилось, когда Таня приблизилась к остановке: до магазина, который был нужен, доехать ей парочку остановок - он возле метро: тот, где цены не слишком кусаются. Есть возле дома другие. Но в них всё дороже. И... когда подошел нужный транспорт - так Таня сто тысяч раз пожалела о том что решила не тратить сейчас эти лишние деньги... Уж лучше бы заплатила... хоть в десять раз больше!.. Но только бы не... не вот это... Теперь она задержала весь (!!!) целый (!!!) автобус, в котором все люди, конечно, куда-то спешили - но целых минуты четыре на остановке теперь простояли по Таниной личной вине. Водитель чего-то уж очень не быстро в кабине своей одевался, прежде чем выйти сюда, на мороз, и для Танечки разложить на входе трап. А потом - когда въехала наконец-то в автобус она, вся сгорая от жуткой вины и стыда под взглядами ею задержанных уж и так ведь на долго так пассажиров - ещё чуть ли даже не дольше опять раздевался в кабине... Боролась она со слезами уверенно, стойко, но только внутри всё горело от жуткого чувства стыда за себя и существование это свое, от которого только проблемы... и даже закрыла глаза у окна, на надлежащем теперь уж ей месте для инвалидов, чтоб только не видеть всего, что вокруг, не иметь подтверждений что это реальность... чтобы не так жутко стыдно и страшно... А стыдно и страшно - действительно жутко... И ещё в тишине, ведь автобус никак всё не ехал - услышала Таня, как звук разорвавшегося над ней в небе салюта, сверх радостный и ликующий возглас какого-то молодого счастливого голоса:

- Ну на-аадо же!.. - Таня открыла глаза и в отражении, что в оконном стекле, увидала что это какой-то в автобус влетел молодой человек, и теперь улыбался размытой в двоящемся отражении улыбкой до самых ушей, - Успел!.. Товарищи, я успел!!! Это невероятно... Фу-уух... - отдышаться пытался сверх радостно парень, - Ус-пел!.. У-уууус-пел!.. - поздравил он с этим событием в шутку всех пассажиров автобуса, и где-то кто-то хорошеньким молодым женским голосом захихикал, а кто-то мужским взрослым голосом сказал в шутку: "Уу-ууу!" - как болельщик на матче, но только вот с мрачной иронией - и медленно, громко похлопал в ладоши. - Ус-пел, представляете, на самое свое долгожданное в жизни путешествие, товарищи!.. Впер-вые в жизни я еду в отпуск!.. И вот!.. Еду!!! Это чудо... ой, фу-ух... какое-то!.. Поезд через час, а автобус... автобус уже должен был ведь по расписанию уехать... минуты четыре как... Это чудесно... просто... Товарищи, чудеса ведь случаются!.. Верьте в Бога товарищи!.. С Ним - можно всё!.. Даже кажется что опоздал и всё конечно - но ведь нет!.. Чудеса!

- А это чудо - вон, у окошка сидит - эт оно виновато!.. - засмеялся мужской голос где-то сзади слегка иронично но добродушно.

А Таня уже и так знала - без этой ремарки - что это она виновата... Опять... опять... ОНА... ВИНОВАТА!.. Как здо-ро-во... как хорошо... Это благодаря ей кто-то, правда, куда-то успел... Кто-то... правда... Кому-то она могла быть полезной... Кому-то... Впервые почти что... И та-аак!.. Громогласно так, счастливо сразу, так... хорошо... Сказать что расплакалась Таня опять - ничего не сказать. Если даже и кошкам она так была благодарна - то человеку... большому... настоящему... реальному человеку!.. Когда, вот, бил мир - так не плакала. А когда стал намазывать ранки йодом - так вот... и не может она теперь вовсе сдержаться. Как больно, оказывается, когда тебя лечат!.. Впер-вы-е, так радостно... счастливо... лечат...

Сидела, редела тихонечко, и никак не могла перестать. Автобус вокруг уже ехал, а вместе с ним - и она, но это уже было вовсе не важно. Важно то - что УСПЕЛ - человек незнакомый УСПЕЛ в путешествие мечты благодаря ей. И от этого плакать ещё можно целую вечность. И может она бы и плакала дальше, если бы тихо ей рядышком не сказали:

- Спасибо!.. За мою сбывающуюся мечту. Ну что-оо Вы?.. - открыла глаза, и увидела молодого того человека - на корточках рядом сидит теперь, а не над ней в отражении размытом, как раньше, ликует, - Чего Вы, а?.. - улыбается парень, и Тане пришлось тоже разулыбаться, ведь было иначе никак невозможно. - Ну? Что случилось?.. - разглядывает её молодой человек как-то странно так, вместе с тем что и просто ну очень уж радостно добродушно.

- Это... это Вам спасибо! - улыбается и смеется сквозь слезы в ответ тихо Танечка, - Вы... Вы мне... счастье.. такое сейчас... подарили, что... Вы даже не представляете! Вы даже не представляете - как это здорово: когда ты кому-нибудь нужен!.. Полезен... Когда... когда ты всем только мешаешь... всё время... и... А тут... Я очень рада что Вы... Вы вот успели хоть... Из-за меня. Я ведь жу-уутко... стыдилась, что мне теперь... ездить вот так вот приходится и задерживать всех... тогда как и раньше я всем, всем мешала... А теперь... Теперь я и вообще... Из-за меня столько автобус стоял, что... жуть, словом!.. А Вы, вот - решили всё так - вот пришли и... сказали что это... не зря. Спасибо Вам!..

Молодой человек посмотрел, улыбаясь, немного на Таню, что-то, кажется радостное ещё более, чем про то что успел в путешествие, собираясь сказать - но всё, видимо, не решался. Сказал для начала пока только:

- Это Вам спасибо! - и ещё поразглядывал девушку чуть - очень радостно, но и всё больше теряясь. Пока не сказала сама она: "Не за что..." - чуть неловко кивнув. - Слушайте... А что вообще у Вас случилось?.. Такое - что... ну... вот... теперь... - не знал как и выразиться, видимо, парень.

- Автомобиль... чуть-чуть наехал. Но по моей же вине - и себе, вот, проблем наделала, и другим вокруг людям... - смеется неловко Танюша. - Всё по моей глупости...

- Ну ничего... всё бывает. Не обязательно ведь - по глупости?.. просто - случайность. Давно Вы уже... так вот... ездите?..

- Нет... Вообще-то на улице - только самый первый день. А так... Ещё дома немножко вчера тоже поездила...

- И как? Вы сами, или?.. Кто-нибудь помогает - катает, вот...

- Ну... сама. Здесь это совсем ведь не сложно - вот крутишь колеса, и всё...

- А живете с кем?

- Тоже... одна. Но это совсем не сложно, потому что...

- Куда сейчас едете?

- В магазин. За продуктами.

- В какой?

- В... - а дальше она назвала и наименование крупной сети - уж не будем ей делать рекламу, - Это здесь - у метро. Прямо рядышком. Так что очень удобно.

- Понятно. Знаю этот магазин. Сам иногда закупаюсь... Там только лестница вниз?..

- Ле... а, да... лестница... - глубоко задумалась Таня, которая раньше совсем лестниц не замечала, а потому и не вспомнила даже теперь про нее - что она, правда ведь, будет здесь - длинная... - Ну это не страшно - по лестнице тоже - оно ведь не сло...

- А Вы уже пробовали? - улыбнулся задумчиво парень.

- Нет. Но я думаю - это не сло...

- Вот - уже и конечная наконец-то. - поднялся с корточек молодой человек, - Поехали. - взял коляску с сидящей в ней Таней за ручки и покатыл к выходу из автобуса.

- Ой, спасибо большое... Да Вы не спускайте меня - я сама. Вы бегите на поезд скорей - опоздаете все-таки... Я сама - здесь не сло...

- Я не опоздаю, не беспокойтесь, Тань. - разулыбался молодой человек над коляской, уверенно спуская её на тротуар, - Я никуда и не еду.

- Как... как так не едете?.. Вы же успели и... И откуда Вы знаете как меня зовут?.. - Таня слишком уж озадачена была этими вопросами чтобы даже заметить что некоторые из пассажиров ещё их с ним ждут, чтобы суметь выйти из салона вслед за девушкой на коляске. И хорошо что совсем не заметила. Не нужно ей этого замечать.

- Да, успел. Успел на путешествие мечты. И даже сразу на два. И поэтому - я одно из них, вот, теперь отменяю - имею право, потому что другое из них ещё лучше. Потом сдам билеты, да и делов-то!.. "Это не сло..." - рассмеялся молодой человек, - А откуда я знаю как Вас зовут - объясню сейчас, по пути в магазин.

- В магазин?.. Вы, что... собираетесь со мной сейчас идти в магазин?.. Да ни в коем случае! Вы успели из-за меня, и... теперь... не поедете?.. Вы ведь так всё и испортите! Вам обязательно нужно поехать!..

- Ну... Я, вот, так, лично, не думаю. Уж поверьте - второе мне путешествие - магазин первым делом в нем пункт назначения - намного, намного теперь интереснее. Поедемте, сей-

час всё-всё-всё объясню. - и девушка поняла что она стала двигаться прямым к магазину. Остановить это Таня никак не могла, хотя очень хотела и... не хотела сейчас одновременно... а поэтому вынуждена была просто сидеть и удивленно лишь улыбаться, да слушать, да отвечать. - Ну, во-первых - откуда я знаю как Вас зовут: Вы бывали ведь на собраниях в доме Господнем, что на... - и назвал молодой человек очень знакомую Тане, действительно, станцию прекрасного столичного метро.

- Да... Я там пару лет... постоянно... бывала.

- Вот - и я тоже бывал. Но только один раз. Приезжал к вам сюда года три назад из своего городка - ну не к вам именно в церковь, а вообще: по делам. И зашел, тоже, вот, на собрание. У меня дядя там выступал - проповедник. Там видел я Вас, Тань, и Вы мне уж-ужасно понравились. Правда. Я думаю - правду всегда нужно людям в лицо говорить, даже если она... очень странная - вот, как моя. - неловко смеется, толкая коляску по улице незнакомец, - Вы не судите меня строго - но я уж сейчас Вам скажу - что же я тогда сразу подумал. А Вы, если надо, забудьте. А если хотите - запомните. Я ведь не знаю - как к этому Вы отнесетесь?... Но просто скажу. Глупо, да - но скажу. А то - думать не глупо, не страшно ему значит, а признаваться - так сразу и всё-ooo!.. В общем... Я подумал тогда что хочу Вас взять в жены. Вот именно Вас. Не удивляйтесь. Вас или совсем никого. Так себе и сказал. И пообещал что оно так и будет, если Бог это позволит. Но... тогда у меня ещё сооов-сем - вообще - ничего в жизни не было ценного. Как, в общем-то, и сейчас... Чего я бы мог, понимаете, Вам предложить. Ну, и я так сказал себе что... о-ой, Вы сейчас будете точно смеяться... сказал что когда наконец-то так в жизни случится что я уж не просто смогу обеспечивать нашу семью, а смогу, может быть, Вас возить уже даже по миру... но я, вот, не это, конечно же, подразумевал - не сердитесь!.. тогда я, быть может, позволю себе с Вами поговорить наконец-то об этом. Или хотя бы уж познакомиться. И вот... Пусть немножечко по-другому выходит всё - но кажется у меня уж теперь есть возможность хоть так Вас возить - и, пожалуй, пора уж об этом, и правда, поговорить. Я бы мог предложить нам сейчас и какое-нибудь настоящее путешествие - но пока уж, признаюсь, во-первых растратил часть денег, что у меня были... потом расскажу Вам - на что... Во-вторых - есть немножечко средств у меня, что верну я за первое то путешествие, которое чуть было уж я не совершил сам, без Вас - что было б просто ужасным просчетом с моей стороны, но... я позволил его себе было уж, чтоб подготовиться как-то хоть к будущей жизни - желаемой. Но-ooo... в третьих - и то и другое случайным совсем было заработком. Или, вернее - не заработком даже: прибылью. Я даже не знаю - ещё повторится когда-нибудь это или... И поэтому, да, я сейчас не могу обещать что смогу, правда, нам подарить настоящий достаток тотчас же - но я уже развиваюсь, стремлюсь, и надеюсь что с Божьей помощью - всё у нас с Вами, может, получится. Ведь Бог в моей жизни уже сотворил чудеса - многочисленные и огромные... Об одном из них Вы уже знаете. И я не могу не надеяться, после случившихся раньше, на новые. Поэтому... Вы, по крайней мере, могли бы задуматься. Мне так кажется - это всё не случайно. А Вам?..

- Мне... Ну... Я думаю - да, это всё не случайно... уж точно... Но... не хотелось бы чтобы меня так по миру катали - в таком, понимаете, новом, смысле. - смеется растерянно Таня и даже не знает что думать: одно дело - знает что чувствовать... но вот думать... - Мне... очень бы этого не хотелось, вот правда... действительно.

- Ну... Знаете что? - присел молодой человек перед Таней на корточки, - Я возить с удовольствием, правда, могу до скончания дней, так сказать - это лучше чем вовсе ведь никого и никак никуда не возить?... Понимаете? Вы ведь помните что я решил когда Вас увидел?... Вот...

- Ну... понимаете... Нет - до окончания дней, я надеюсь, уж это так не продлится - ведь я ещё, все-таки, собираюсь встать...но...

- Да?..

- Да... но...

- Так и какие тогда, вообще, остаются вопросы?.. Я думал ещё - навсегда. А уж если на время - тем более не понимаю, с чего Вас должно это, Таня, смущать?

- Ну... Понимаете - мне и на время ведь не хотелось бы... ну... неудобно. Вы понимаете - я и так в жизни людям достаточно всяких проблем принесла... - чуть заплакала Таня опять - не сдержалась, - И... не хочется снова. Я буду стараться сама побыстрее встать и лечиться, и если всё это удастся - то я с удовольствием... может быть... но потом - когда легче со мной уже будет. Тогда - да, но...

- Но?.. Вот Вы сейчас тоже слышали что ещё я финансового не достиг... словом, благополучия - какого хотел бы, прежде чем с Вами знакомиться. Вот, Вас это точно ведь не смущало сейчас, Тань?.. Нет. Конечно же... Я же вижу. Так и почему же меня тогда тоже должно то смущать что не стали ещё Вы той, кем бы хотели стать прежде чем...

- Я...не знаю... Но... все-таки - человек на коляске это не то же ведь самое, что только и всего... финансовые трудности... Конечно финансовое... это вот всё... меня не смущает - конечно... ведь это причина совсем несущественная. А вот...

- Какие вообще такие могут быть в жизни, Таня, существенные причины, если все мы здесь, на Земле - ещё люди, и у всех у нас есть и свои здесь проблемы? Вы знаете - я понимаю прекрасно: вот спорю, но понимаю. Я сам такой, честно. Недавно ещё вообще тяжело с этим было совсем - с тем что, вот, сам так всё время себя недостойным считал... ничего. Всё казалось - что надо чего-то достичь хоть ещё, прежде чем... ну на что-нибудь в жизни решиться. Вот - например прежде чем Вас же найти и хоть поговорить. Буквально на днях только, знаете, стал наконец-то меняться - работать чуть-чуть над собой. Вот, может быть, мне как раз и награда... Не первая, но пожалуй что лучшая - я Вас встретил и смог наконец-таки поговорить. Знаете, очень одну стал страничку читать в Интернете... хорошую. Вроде девушка пишет какая-то - но не знаю. Не представляется автор. Я дам Вам потом почитать - обязательно нужно прочесть и Вам тоже. Очень полезно... Там мысли, Вы знаете, вот такие вот, нужные - и о том как себя уважать, и о том что - конечно же мы все здесь неидеальны, и нужно стремиться всегда к совершенству, но Бог ведь нас ценит уже и такими как есть - а уж мы сами, значит, должны и тем более. Просто... ценить для того чтобы позволять себе жить, а не вечно откладывать на неопределенный срок, понимаете?.. Не для того чтобы там... загордиться допустим. Нет - просто чтоб руки не опускать. Вы знаете - я только, вот, начал читать, соглашаться... только начал впервые себе что-нибудь позволять... просто... даже на мысленном уровне - стал говорить себе что имею я право жить, что я нужен, что я в этом мире не лишний... а очень ещё, понимаете, в этом мне то помогло, что, вот именно - в этом вот блоге слова... вот такие вот ободряющие, вдохновляющие - такие вот, что не только я сам ведь себе говорю, а и тот кто-то, кто это пишет - мне тоже... как будто бы... Так вот - только начал я сам расширять для себя хоть духовно и мысленно круг возможностей - так, во-первых работу сперва нашел ту, о которой мечталось всегда: ну не жутко уж прибыльную, но любимую - просто осмелился попытаться, когда начал

чувствовать что имею моральное право и... вот!.. А потом... Вы не поверите даже - ещё выиграл крупную сумму... в семье быть секретов не может, поэтому и заранее даже не буду скрывать - целых аж двести тысяч, Вы представляете?.. Просто так - ничего даже толком не делал: вот, просто акция была от магазина - ну, розыгрыш... Я в такие и вообще никогда не верил - что там можно что-нибудь выиграть: всё, думал, своим там уходят все выигрыши. Но... как будто награда за новый, меняющийся мой образ мышления - вот... Наверное сбой там какой-то случился и меня с кем-то из родственников организатора перепутали!.. Шучу... ну, вот из этих двухсот, мне на голову просто упавших так тысяч - я осмелился отпуск себе организовать - первый в жизни - а на этой работе мечты он сейчас, на неделю. Потом ещё часть отпускных дней на лето возьму. Решил... так сказать расширять горизонты. Почти что заставил себя сам поездку себе эту силой купить. Чтобы... ну просто учиться и дальше себя... чуть-чуть больше ценить. Но я заставлял - прямо честно. Не очень-то и хотелось сейчас, хотя я мечтал всегда что путешествовать стану - но вот теперь как-то... уж лень. Мне оплатить этот тур нужно было, пожалуй, как чисто сам акт к себе щедрости. Ну, я его уже и так совершил, преодолел свое чувство никому не нужности, которое раньше бы мне не дало этого сделать, а теперь... теперь вот - ещё легче сдам билет и не поеду. И так мог ведь сам опоздать, если б только не Вы.

- Ну, как видите - я ненадолго лишь только исправила эту ситуацию!..

- Ну да... Ненадолго. Вам точно тоже надо будет статьи почитать вот из этого блога - я думаю Вам это нужно. Вы знаете... я человеку настолько этому благодарен, который их пишет - хотя и не знаю даже: кто это... настолько... настолько он... поддержал меня, что ли?.. Понимаете - очень помог. И морально и... как-то духовно. Я даже... признаться честно... но это не для того что бы Вы думали - что, вот, такой я хороший и прочее - нет, я жаднюга ещё тот! Просто... так как-то подумалось - что, раз мне эти двести свалились вот так - просто, вот, неожиданно - как награда, мне кажется, за урок что я выучил не без помощи этого неизвестного человека - то я и подумал... Его вклад такой большой в это - что уж хоть... по меньшей мере уж половина - его точно. Выслал сто ему тысяч по реквизитам из блога. Я... думаю - так справедливо. Отчитываюсь - потому что вот так из бюджета... надеюсь семейного... улетучилась крупная сумма. Простите - уж если бы знал что Вас встречу: оставил бы лучше для нас - потому что... ну, на семью уж всегда ведь важнее... Но может быть - это и правильно. Может быть... Мне так кажется - что не случайно и это. И даже почти не жалею ни капли. Но только ещё перед Вами вот стыдно...

- Это действительно всё не случайно. - изумляясь всё более внутренне, и замерев в пространстве взволнованно, улыбнулась в ответ ему Таня, - Вам стыдно быть точно уж... думаю... передо мной не должно. Вы поступили... а кстати как Вас зовут?.. Или я только в ЗАГСе узнаю?.. - рассмеялась неловко девушка.

- Игорь.

- Игорь... Очень приятно! Так вот - Вы поступили правильно, Игорь, и... думаю - Вы сейчас в этом ещё раз чуть-чуть убедитесь. Я чуточку... могу ошибаться сейчас в моих догадках, но... Знаете что мы сейчас с Вами сделаем?.. Можете в телефоне набрать сейчас этот блог, что Вы так вот читали?.. Но не показывать сразу?.. А я Вам сейчас, на счет три, покажу - с Вами одновременно - тот блог что... я подозреваю - как раз Ваш любимый... но только в своем телефоне. Давайте?.. Сыграем в такую игру, словом, да?..

- Хорошо... - заулыбался Игорь и принялся набирать в телефоне что-то, - А Вы его тоже что ли знаете?.. Ну вот!.. Тем более - и чего же тогда Вы себя так боитесь?.. Тем более - Вы

ведь... должны понимать... сейчас - Интернет чуточку подвис... понимать что Вы - ценная в мире в любом случае?.. Я, кстати, не думал что он вообще, вот, известный - блог этот. Как ни зайдю: всё как будто бы тишина - каждый раз первым лайки там ставлю: как будто один только его, вообще, и читаю, но... видите - Вот и Вы знаете. Это чудесно!.. Всё, прогрузилось. Готов.

- Тогда... - Таня уже опять плакать сильно и радостно начала, улыбаясь тому что... наверное она чуточку более даже полезную сможет почувствовать себя наконец-то сейчас на счет три... - Не спрашивайте... - махнула она рукой, понимая что слезы её вызывают уже у молодого человека вопросы, - Скоро всё объясню... Раз, два-аа...

Прошло два месяца. Таня стояла у кухонного стола, разрезая минтай - Игорь сам всё обычно готовит, но ей захотелось сегодня, пока он ещё на работе, попробовать снова, опять, сделать это самой. Минтаем, считай, начиналась эта история с Таней больной - пусть минтаем она и окончится. Ещё не назвать этот день окончанием - ведь, вот, пальцы не слушаются ещё до конца, а ходить она может пока не без боли. Но может?.. Теперь уже может. А это - победа. Её ведь и вовсе могло бы не быть. А значит... почти что для Тани она окончанием служит её сложных дней - и этот финал нужно честно отпраздновать и поставить минтайную жирную точку, да и сказать себе твердо, уверенно: "Хватит болеть - это уже завершение. Если и дальше ты в Бога, как и теперь, верить будешь, и будешь Ему доверять - то Он непременно поможет. Он точно тебя, Таня, любит, раз даже упадок твой, порожденный сомнениями и колебаниями на пути, обратил в твой расцвет, чуть только ты вновь вставать прямо на путь начала. Всё прекрасно. Как мир бы ни бил - это мир. А ты - с Богом."

Сегодня минтай она режет и благодарит. Благодарит за возможность вот так жить и делать - самой, без огромных проблем, с этим связанных - хоть что-то хорошее для людей и себя... и для кошек. Минтай есть теперь будут трое - теперь-то и Игорю будет приятно: не только котяткам. Нарезет минтай, пока не до конца разморожен - так легче ведь с ним - а потом и оставит его: пусть в кастрюле лежит, тает дальше. Попозже она его сварит - и Игорь как раз придет уже, может, с работы: успеет горячего супа поесть. Пойдет пока сходит сама в магазин, хотя это и сложно - но нужно: уже очень нужно ходить иногда и самой, без поддержки, чтоб лучше осваиваться. А по пути - занесет рыбку кошкам. И вот - Таня уж претворяет в реальность свой план. Шагает уверенно но осторожно к кошачьей столовой и радуется теперь своему каждому шагу, по этой земле ею сделанному. Хотя почти с каждым её шагом и больно - но ведь какое же, все-таки, это счастье: иметь возможность ходить, пусть и со сложностями, и делать самой те дела, что считает она нужными!.. Так теперь она счастлива - что про женщину даже не вспомнила. Время ведь позднее - вечер. Про женщину что накричала на Таню уже она просто забыла, но вспомнила теперь, приближаясь уж к месту привычного обитания хвостиков. Идет по двору - а на встречу ей, со стороны того самого окошечка подвала - наверное как раз сейчас только вот от кошачьего стола - идет потихонечку эта же самая женщина. Сворачивает явно в тот яркий подъезд, что сейчас возле них. Значит - здесь и живет: в доме рядом с кошачьим. Таня молча и даже стараясь совсем не смотреть на нее, прошла мимо бабушки этой, бормочущей что-то походя - разминулась с ней, в надежде что, может быть, она Таню и не узнает. И действительно - обошлось безо всяких с ней разговоров. Таня двигалась дальше и радостно снова, думая что теперь уже женщина эта, возможно, ушла... лишь немножечко, правда, тревожно... минтай свой поставила возле трапезничающей на тумбочке кошки - но только не на саму тумбу - туда пробираться по снегу пока тяжело - а оставила рядышком - на палисаднике: вот и кошку так не спугнет, и самой шагов меньше. Поставила, да и стала идти себе дальше - по узкой тропиночке асфальтированной к магазину... По ней же тогда она шла - уходила в тот день, после ссоры.

Теперь по-другому уходит. Совсем по-другому... Оглянулась, себе улыбаясь самой, по пути - глянуть как там: не убегает ли кошка?.. И видит... Да, женщина эта снова, усиленно что-то причитая, идет к кошачьему столу, палисадник оглядывая... Наверное видела всё же что Таня пошла туда, к кошкам, и теперь недовольно пошла проверять.

"Ещё и выкинет ведь..." - с волнительной неприятной мелкой дрожью, которой внутри гладь души от мысли этой подернулась, подумалось Тане. Ещё в прошлый раз она, споря с самой собой здесь за право считать себя невиновной после той встречи с бабушкой - тоже мысль такую подумала - или даже почувствовала каким-то уж чувством десятым. Подумала и пыталась себя даже ей оправдать: ведь, вот - если выкинет бабушка Танин минтай - так выходит что не за доброе дело она, в самом деле, сражалась и не за интересы кошачьи - а за свое личное эго. Но обвинять человека без повода - было бы скверно. Сейчас же... такие вот подозрения Тани усилились. Бабушка подошла к тому месту, где был ей оставлен минтай, и приговаривая недовольно так что-то, глядела то на палисадник, то на оглядывающуюся украдкой назад девушку. Таня даже испугалась... вот сейчас пойдет ещё бабушка эта за ней, да ругаться за что-то начнет... или ещё, чего доброго, что-нибудь сделает... Таня быстрее пошла, не оглядываясь - настолько скоро, насколько могла, и ещё чуть-чуть даже скорее... Действительно стало ей страшно. А от чего?.. Она ведь всего-то лишь сделала доброе дело?..

За ней не погнались. Пока в магазине ходила и выбирала продукты какие полегче - какие сама сможет в сумке с собой унести - всё про бабушку и минтай Таня думала. Решила назад идти снова там - мимо кошачьей столовой - и посмотреть: хоть на месте ли рыба?.. Или действительно выбросили?.. И, минут через десять-пятнадцать после оплаты покупок уже приближалась с опаской к знакомому просто до боли окошечку, что из подвала выходит. По пути успокоилась вовсе почти что - ну не могла просто добрая бабушка у котов забрать пищу... Ну что Таня, правда, придумывает?.. Вот ведь - придумалось ей такое, да и не отлипает теперь это чувство... Подошла - уж почти что спокойная. Сейчас рыба, конечно же, будет здесь. Ну а как же иначе?.. Тревожно она осмотрела весь палисадник... Нет. Нету. Нигде. Может кошка с собой утащила?.. Но как - прямо с подложкой?.. Ну... Вряд ли. И ветром сдуть не могло... Ветра нет и подложка не легкая...

В недоумении и смятении, Таня отправилась дальше - домой - по пути, каким шла и из дома. Если рыбу её выбросили - то... пожалуй теперь уж её не найти. И никак не проверить пугающих Таниных предположений о судьбах хвостов с плавниками. Но надеяться Таня на то будет - что всё же исчез весь минтай по другим - не столь уж печальным причинам. Хотелось бы верить что женщина не способна совсем на такое... Хотелось бы верить что даже и люди, которые волей-неволей тебя обижают - на самом деле хорошие, или будут хорошими - чтобы потом все вы встретились в Небе - ведь это же главное... А не то - кто кого превзошел здесь хоть в чем: хоть в деньгах, хоть в успехе, хоть в положении своем, хоть, вот, в состоянии здоровья, хоть даже в том что добра больше сделал, чем кто-то другой - а ведь даже за это, похоже что, люди борются... Эта женщина, вот, например, ходит в легком платочке - а из-за этого очень похожа на верующую: на прихожанку какой-нибудь церкви. Возможно ведь что и не просто похожа - а и действительно ею является. Но... почему же она так не хочет чтоб кто-нибудь тоже с ней делал добро?.. Может быть... может быть просто боится, что так у нее в Рай билеты отнимут, которые она себе усердным трудом милосердия здесь зарабатывает?.. Неужели, вот, люди способные понимать что добро помогает душе - не способны понять что чем больше добра на земле, тем ещё будет лучше?.. Таня думает тяжело и растерянно. Нелегко думать - что люди чувствуют, и во что они верят, и как ошибаются. Часто очень тяжелые вещи увидишь, задумавшись. Часто мрак мира чьей-то души или просто сознания поглотит тебя на секунду и станет так жутко темно - что скорее захочешь на свет опять выбраться... А ведь в нем... там... живут... постоянно...

Уже приближается Таня к подъезду, что рядышком - к тому, где живет, значит, бабушка - и мысль приходит - что если она её рыбу и выбросила - то пожалуй наверное лишь в эту урну, которая возле подъезда, минтай погрузить и могла. Далеко ещё нет ни одной другой во дворе. А значит... Подходя ближе - Таня решила преобязательно заглянуть. Подошла. Не пришлось даже ей и заглядывать. На урне, доверху забитой уж к вечеру, подложка с минтаем короною красовалась. Да... Таня постояла и посмотрела на это... как жалко... как жалко ей стало себя и трудов своих, что на рыбу потрачены были сегодня с таким неудобством и болью, как жалко и рыбу, что стоит ведь денег, и по цене что - с учетом всех щедро отрезанных с мясом хвостов - уж наверное точно не меньше ведь выйдет чем пара пакетиков корма химического, ненатурального, которым, вот, бабушка кошек закармливает... Как жалко и бабушку - жалко, наверное, больше всего как раз Тане вот именно что её. Как же она сильно хочет быть нужной!.. Вот только не понимает, что уж и так она очень нужна. Не нужно ещё и сражаться ей за это право. Она всегда, всегда будет нужна - даже если и тысячи миллиардов вокруг будут тоже нужны - и не меньше. Как, все-таки, это наверное важно всем нам - быть кому-нибудь нужным. Одни загрызут за свое право нужности... Но это лишь значит - что им ведь его не хватает... Тоже ведь очень-очень, совсем не хватает. Но только не знает ещё человек - что оно, вот, уже у него есть - есть и так. А иные страдают и гаснут без этого права... Только тоже не знают - что нужности ведь у них предостаточно. Нужно просто, наверное, чаще давать людям знать - как же сильно они в этом мире нужны... Да и животным. Они тоже очень нужны и, возможно, они тоже ищут подобного чувства - бесполезности, нужности. Ведь собаки, допустим, так радуются, когда их похвалишь, погладишь, скажешь: "Ка-акой ты халё-оосый!..", почешешь за ушком чуток одобрительно. Ведь кошки бывают так человеку нужны, что он будет реветь как никогда возле окошечка из подвала из-за того что они просто взяли, да и позволили ему себя покормить. Ведь все мы, правда, нужны и друг другу и Небу... Так почему же так часто об этом мы забываем здесь сами и не считаем на этом свете нужным напоминать и другим?..

Таня никогда ещё раньше не рылась в мусорках. Но теперь - взяв салфетку бумажную из кармана и оглянувшись по сторонам - не видит ли кто - прихватила салфеткой, чтоб руки не пачкать, подложку, которую женщина эта на счастье не догадалась перевернуть вверх дном, а поставила ровненько, как на поднос, на забитую урну - и перенесла снова к кошкам. На тумбочку уж в этот раз. Картонка там все-равно жутко запачканная, а на урне ведь восседала подложка верхом на комке какой-то чистой, свежайшей бумаги - а значит уж Таня обеденный стол не испачкает: только еду кошкам, всё же, вернёт. Да, с трудом, да и с болью - но пробралась в этот раз через весь палисадник и затолкала, со скрипом сгибаясь, подальше подложку - поглубже под выступающий бортик жилого огромного дома. Теперь, может быть, там его не достанет и бабушка, раз сама Таня еле туда дотянулась, скривившись и сильно зажмурившись. Это даже в том случае если второй раз решит она выбросить рыбу потом, когда снова её здесь найдет. Таня не пожалела труда: ведь минтай - рыба ценная, свежая, кошкам он, вроде бы, нравится - а значит не должен он выброшен быть просто так, в то время как пользу ещё мог бы здесь принести. Не нужно чтоб был минтай этот ненужен, хотя очень нужен, полезен и ценен. Такого на свете быть не должно - чтобы ценности просто выкидывались на помойку. Пусть относительные - пусть и не абсолютные - но ведь ценности. Пусть для людей эти рыбы хвосты не еда - но для кошек вкусняшка. А значит - и им стоит быть. Для кого-то хоть в мире - от них есть ведь польза.

Таня, кривясь ещё, но улыбаясь, пошла теперь медленно к дому, оглядываясь на минтай, что лежал в глубине приподвального кото-стола, как свидетель и символ победы над никомуне-нужностью. Таня улыбалась ему, и себе, и миру, и Небу, и молилась, в пути домой, о том чтобы бабушка эта - хорошая, добрая, хоть относительно, бабушка - точно в жизни нашла твердый путь в своей вере и смысл, который не знал бы каких-то условий, помех и преград - что ей устранять бы пришлось пришлось на пути к тому смыслу - и однажды ещё в Небе встретились

с ней бы они и дружили. Пусть здесь, может быть, и не выйдет у них с нею мирно когда-либо поговорить - но потом может быть они встретятся в Небе и будут дружить и общаться, и будут друг друга, и всех вокруг тоже, любить, и кормить вместе с нею там оказавшихся кошек.

Страшный звонок

Игорь Саныч встречает теперь Новый год в чужом городе. И с ним слушать грохот салютов совсем теперь некому. Сын с ним приехал, но накануне - тридцатого - заглянул, вот, к отцу со своим: "Пап, дай тыщ десять - мы тут с друзьями решили встречать: надо скинуться." - и узнал он о том что сам будет встречать теперь, видно, один. "Тыщ десять" он дал, а сам думать стал - с кем же теперь есть салаты, которые уж нарезал теперь заблаговременно?.. Сын пару дней хочет где-то побыть - в доме отдыха что ли... Салатам к тому времени как он вернется - каюк. Да и грустно ведь в одиночку... То ли дело - когда они с сыном встречали в былые годы этот зимний снежный праздник - хоть весело было. Хоть Игорю Санычу по крайней мере. Он выдумывал мастерски всегда, разнообразные всяческие праздничные активности для сына... А вот для себя... что-то никак ничего не придумывается, пока что. С ребенком - хотя он и взрослый давно уж - всегда можно ведь что-нибудь изобрести. Особенно нравились папе всегда тихие творческие домашние активности - такие как елочные игрушки, вот, например, с сыном сделать и расписать... поговорить за одно, поболтать, посмеяться. Игорь Саныч всегда сына нежно любил. Но только вот Степка растет с каждым днем - уже взрослый парень, уже двадцать семь - теперь у него давно уж свои интересы, дела, и на папу все меньше теперь остается у дитяти времени. По сути уже давно Игорь Саныч не нужен совсем ни в каком сыну качестве, кроме как только источник финансов. И это... особенно грустно, хотя в том и старается он, как только может, отчета себе не отдавать. Считает упорно что только ему это кажется так - что сынок безразличен стал и дела ему до отца больше нет... так легче. Хотя постоянно ведь чувствует это - вот даже на днях, когда елку с сыном они наряжали - так видел ведь Игорь Саныч прекрасно, как вынужденно занимается "этой всей ерундой детской" Степка, только чтоб не расстроить отца тем что откажется в этот раз соблюдать уже устоявшуюся семейную традицию совместного наряжения хвойного. А теперь вот - уехал и вообще он от папы подальше... И чувствует Игорь Саныч ведь - хоть и, жалея себя, не отдает себе в этом отчета - что причина не только лишь в том что ему где-то там интересно - а в том ещё что совсем больше не интересно с ним, здесь. Мог бы не отпустить просто сына, но понимает - держать рядом мальчика тоже неправильно было бы. Степка уже парень взрослый - пора вылетать ему уж из гнезда. И пускай вылетает пока он с родительской картой - но уже это, некое хоть, да подобие самостоятельной жизни. Нельзя держать вечно ребенка с собой рядом, вот, на коротком поводке - так не научится жить своей жизнью. Покойная мама Степаши была тоже мнения этого - всегда говорила, когда ещё сын совсем маленьким был, что ребенку давать надо воздух. Вот лишь бы чего только неправильного на голову себе не нашел там один в этом воздухе Степка... Друзья ведь бывают такие, что... Приучат к какой-нибудь дряни, а папе потом и расхлебывать. Но... что уж делать?.. Вдохнул тяжело Игорь Саныч и отпустил чадо в мир столь большой и столь сложный на новогоднюю ночь в новом городе. А сам дорезает салаты, глядит на часы: до двенадцати восемь часов - новый год ещё очень нескоро начнется. Занять бы себя чем-то до этого времени. А чем?.. Елка, вот, уж добротнo наряжена. И аж две на ней целых верхушки - они наряжали когда вчера с сыном, так выбрать и не смогли с ним - какую же лучше поставить. Решили что и мерцающую - хорошо (ту, что зачем-то купил Игорь Саныч недавно, хотя не нужна она была вовсе), и обычную, длинную - тоже. В итоге надели одну на верхушку - ту, длинную, пикой - а ниже на ветки оперли блестящую звездочку, что от электросети светится. Теперь у них аж две верхушки на елке. Но человек теперь смотрит на них лишь один... Сын ушел пол часа ещё где-то назад - поздравил отца с наступающим и исчез - а Игорь Саныч ещё до сих пор всё сидит в тишине и не может себе вовсе дела придумать. Таращится в телевизор, который ему интересен

не слишком, и чувствует что пройдет так его Новый год слишком грустно, если чего-то теперь не придумать...

Отвлёк его от размышлений, что фоном в сознании текли под звук телепередачи, звонок. Игорь Саныч взял свой телефон и чуть-чуть испугался... Чуть-чуть - мягко сказано. Вот ведь - боялся он этого, отчего-то - да нынче оно и случается. Ну как - отчего он боялся?.. Да ясное дело-то - от того что приехал в столицу и стала опасность теперь ещё ближе.

Здесь надо чуть разъяснить - что же это такое, что, не случившись ещё даже, так пугало собою несчастного Игоря Саныча. Есть вещи, которые быстро по свету разносятся - ну, такие как слухи. Особенно если есть те, кто над этим усердно работает. Такие шмели, что летают с цветка на цветок ушных раковин, носят то, большей частью, что этим цветкам больше нужно - что примется ими и будет одобрено, что жаждется и поощряется. И если уж есть человек, на которого можно, по мягкости характера его собственной, навестить все самые скверные из ярлыков в семье этого вот трудяги-шмеля, а остальные все родичи будут перемывать ему косточки рады - то шмель обязательно примется самозабвенно за дело, и человек что был избран для роли почетной изгой - теперь будет всюду, всегда обсуждаться, клеймиться, осмеиваться и развлекать этим самым почтенную публику с каждым своим новым шагом.

Семья Афанасьевых, к коей принадлежал Игорь Саныч, охотно перемывала не только лишь кости, но и сухожилия, хрящики да суставы любой подвернувшейся жертвы. Сам он не общался почти что с сородичами, но до него долетали, конечно же, слухи - как до почетного самого, уважаемого из всех представителей рода - имевшего крупное самое состояние, а потому и безумно любимого. Общались с ним редко - по недоступности вечно работою занятого (столь прибыльной, а от того почитаемой) Игоря Саныча - но зато уж приносили в минуты общения ему согбенно на блюдечке самые сливки семейных радостей, достижений и распрей. И о козле отпущения этой семьи он конечно же знал. Имя этого козлика - было Дима. Он жил давно в стольном граде, уехав от родственников, и занимался чем хочет, что было в семье ужасающей наглостью. Не захотел он работать нормально, как люди, заправщиком или, там, сторожем, да получать свой стабильный доход - а захотел на гитарке поигрывать. И поигрывал где-то по клубам и барам. Что самое страшное - он поначалу ещё от родителей помощь на то принимал, чтоб квартиру снимать на окраине первопрестольной, а уж более жутким ещё было то - что стал верить он в Бога и в христианскую церковь ходил, что в семье Афанасьевых называли давно не иначе как сектой. Трудилась над Димой "раскруткой" в среде своих родичей, не кто иная как собственная его мать. Она и была тем шмелем, что носил этот смачный комочек пыльцы - свежайших и занимательных сплетенок о его новых и новых причудах и сумасбродствах - по миру на трудолюбивых своих черных лапках. У мамы у Диминой с детства была на него, уж похоже, обида за то что родился он у нее, нежеланный - а от того и пыталась она с этим существованием досадным сыночка бороться как может - законными способами. Любой его шаг представляла она близким страшным, безумным, ну или смешным да нелепым совсем, и вышло так, что уж превратиться пришлось Диме рано из одного очередного цветка на семейной большой родовой клумбе, что рос бы и рос здесь спокойно - в иссохшее на ветру нелюбви, отторжения, косых взглядов близких, и прочая, перекаати-поле. Теперь укатился давно уже он далеко, избавив родных от себя так, физически - но сознания их не избавив ни чуть от фигуры своей: напротив - дав фору вдали от него сочинять что угодно про жизнь его юную и никому на родительской клумбе не нужную. Теперь он родителям, да и другим своим соплеменникам, приносил хоть какую-то пользу - о ком было поговорить и над кем позлорадствовать. Иначе - наверное пользы совсем никакой от него им бы не было. Особенно теперь-то - когда он в коляске катался уже пятый год после аварии, в которую "по своей, видно, глупости всегдашней уж как-то и влез", да катался, опять же - по незнакомому всем его родичам городу, а не под боком, где можно ему было бы хоть разок-другой, да припомнить его эту страшную глупость, и

ткнуть в нее мордочкой лишний раз как котенка, что было бы, впрочем, другим Афанасьевым очень приятно, но не возмещало бы вовсе ущерба, который им Дима мог принести необходимостью за ним как-то ухаживать. Жил там и жил у себя в городе, что презрение близких и сам с Димой разделял - денег хоть не просил... да и ладно с ним. Правда вначале - когда на него ещё только наехали при переходе в положенном месте и на зеленый (что конечно же было его абсолютной виной) - по всему славному роду Афанасьевых пробежала, конечно, волна совершенно логичной, понятной интуитивно, паники: а вдруг он попросит помочь?.. Никто не был вовсе готов помогать, но и жестоким к родному (что уж попишешь, раз он, вот, родиться в семье у них вздумал?..) тебе человеку прослыть - тоже. Никто не хотел за свои же, за кровные, скомпрометированные на отказе этому, чтоб его, пострадавшему средства билетик купить себе на соседнее с ним же сиденье в первом ряду всеАфанасьевского порицания и обсуждения с осуждением вместе взятых - как вам угодно: хоть с буковкой "б" в середине, хоть без. Все боялись и переживали за деньги и за репутацию, звонить не звонили, конечно, в Москву, постарались прикинуться будто их нет и совсем в этом мире, и вовсе они никогда не рождались... А уж когда чуть тревога в семье улеглась и понятно всем стало что Дима не просит о помощи, да страховку и так ему выплатили, и ещё компенсацию владелец пострадавшей по Диминой вине автомашины заплатил - так напротив уже принялись раз за разом звонить и немножечко тешить себя окунанием Димы в реальность ущербной его новой жизни, да от него узнавать вести этой же жизни, которые - как трофеи с удачной подводной рыбалки - потом препарировали и разжаривали, фаршировали и начиняли как только захочется, да на радость другим своим родичам, подавали в её новом виде к семейному праздничному столу. Но у паники общей, семейной, ещё и вторая случилась волна - неожиданная - этой осенью. Цунами нависло над родом с тем маленьким но пугающим разговором, в котором сказал Дима маме по телефону что у него обнаружили рак. И теперь это было звоночком куда более звонким, чем первый - звеневший над ухом, привыкшим лишь к сплетням, тогда - сразу после аварии. Ведь рак не заплатит тебе компенсации уж за ущерб. А значит - угроза вернулась. Какую-нибудь там ему операцию выпишут за огромные деньги, да и с рецептиком к близким пошлют - а куда же ещё?.. Снова паника род Афанасьевых охватила весь, снизу доверху, и затронула даже его наивысшее, богатейшее и успешнейшее из всех прочих звено - Игоря Саныча. Он боялся (не зная об этом, ведь не измерял страх других своих родичей) больше всех. Но страх человека за деньги легко измеряется - их количеством, у него в земной жизни имеющимся. А так как количество их было у Игоря Саныча наибольшим - то и та мощь, с которой страх в нем пульсировал - наивысшей была. До сих пор, правда, Дима так ни у кого ничего и не попросил на лечение, и поэтому чуточку страх в нем ослаб. Пик же мыслей о Диме и паники, связанной с ними, пришелся на месяц октябрь, когда незнакомый Игорю Санычу вовсе, кроме как только по слухам, молодой человек не вылезал буквально из мыслей и круглосуточно жил в голове. Даже всю радость подпортил тем как-то от покупки второй, новой машинки, цвета его Величества новогоднего мандарина с кирпичным отливом, которая, в общем-то, и была не совсем-то нужна, но как приятная вещь, предмет роскоши - была в жизни владельца ее нового кстати. И почему не вылезал он из головы?.. Хотя в принципе это понятно. Тогда Игорь Саныч приехал в Москву, что родными теперь было расценено так, как что-то великое - ведь его, Игоря Саныча, Москва - эта не та же Москва, что Москва Димы. Наверное потому что в нее он приехал с деньгами, а не с какой-то гитарой. И теперь он был к Диме презренному близок так, чисто, конечно же, территориально - как никогда. Значит риск под цунами попасть самым первым - возрос. Наверное от того и тревога была велика. Теперь, к счастью, было полегче - и пока вдруг сейчас вот, под Новый год, Дима не позвонил (его номер у Игоря Саныча был записан в контакты - на всякий пожарный, чтоб сразу понять кто звонит и не взять если что - но история вызовов с этого номера и на этот номер была нулевой) - так о нем уже несколько дней и совсем даже не вспоминалось. И вот... он звонит. Ждать можно от разговора грядущего только лишь худшего - ведь с чего бы парнишка, немногим лишь старше

чем Степка, которому, вот, и до папы родного всегда дела нет в этом возрасте - решил просто так бы звонить незнакомому родичу, о котором, наверное, так же как и Игорь Саныч о нем, только слышал?.. Конечно же деньги просить. Что же делать теперь Игорю Санычу?.. Не взять просто трубку, и притвориться что не услышал звонок, или осмелиться поговорить?.. Страх - единственное что доселе двоих этих связывало - столь непохожих, на разных двух полюсах человеческого бытия и семейной иерархии находящихся - возвратился опять. И наверняка Игорь Саныч не взял бы и скрылся так от ответственности своей родственной - если б не то состояние, в котором теперь пребывал. Обида на сына, за то что оставил отца одного, хоть и скрываемая им самим от себя за мыслями что он не сердится вовсе, а просто скучает - теперь воплотилась в обиду на Димку, ему незнакому. Вот ведь - почти отражение сына: похож даже возраст - не то что уж вещи куда для сравнения более важные - такие как то что они оба денег от Игоря Саныча в день одинокий предпраздничный только хотят. Дима, ещё до того как и Игорь Саныч сумел это сам осознать (а ведь вещи такие не осознают о самих себе люди, пока глубоко не копнут) - уже стал при Степочке мальчиком для битья. Игорь Саныч почувствовал тягу немыслимо страшную взять сейчас трубку и та-аак уж ответить!.. Что б мало не показалось. Все высказать, что о сыне своем давно думает, но скрывает от самого же себя эти мысли. Сейчас он воцмее-ееет и-иии...

- Алло? - строго и требовательно, чтоб сразу задать нужный тон разговору, узнал Игорь Саныч. Не нужно тут нежничать, зная зачем тебе люди звонят: пусть почувствуют сразу - кто ты, кто они.

- Алло... Здравствуйте! - заулыбался на том конце провода радостный молодой голос, - Это Игорь Александрович?..

- Да. А кто это? Что Вы хотели? - дал сразу понять так что лошадь никак не его Игорь Саныч.

- Ой, отлично! А то я боялся что номер уже устарел и у Вас теперь будет другой... - ну конечно боялся он!.. Ясное дело - боялся. Как тут не бояться, когда уж такая добыча уходит?! - Игорь Александрович, Вы меня наверное не знаете толком - я Дима, Афанасьев - Ваш троюродный племянник... вроде бы... получается. Ну - примерно так! - засмеялся добродушно Дима, - Ну, я... во-первых хотел Вас поздравить, вот, с наступающим Новым годом и пожелать Вам всего в нем прекрасного самого, светлого, чудесного и замечательного! Пусть Бог Вас благословит во всем и всех, кто Вам дорог. Пусть все будет просто замечательно у Вас - мудрости, здоровья, тепла и света в сердце и вокруг, и благословения главное!..

- Спасибо... - напрягся Игорь Саныч, в ожидании следующей части разговора, где за такую бесплатную гору красивых пожеланий наверное могут и плату спросить. - И Вас тоже с праздником.

- Да... Спасибо, спасибо большое... Игорь Александрович, я вот ещё что хочу спросить: у Вас к этому номеру карта привязана... банковская?..

- Да... - напрягся сильнее ещё человек с привязанным к карте номером и сердцем.

- Всё-ooo, отлично!.. Игорь Александрович, я Вам сейчас перешлю десять тысяч... секунд-ду... уже переслал. Можно - пусть это будет подарок на Новый год?.. Я просто сейчас всем дарю... по чуть-чуть... и друзьям, и знакомым - кого только знаю - и, вот, о Вас тоже вспомнил.

Мы не знакомы, конечно - но все-таки родственники. Очень надеюсь что Вам будет приятно... На мандарины и оливье так сказать!.. С праздником Вас ещё раз!

- Да?.. - Игорь Саныч напрягся сильнее чем прежде теперь, ведь совсем что-то даже не понял теперь - в чем подвох. Ему на экране смартфона спустилось, действительно, уведомление о том что ему перевели десять тысяч - Дмитрий Павлович А. Что же все это значит?.. В таких надо случаях узнавать побыстрее - что там в условиях акции мелким шрифтом - пока не списали с тебя в сто раз больше. - А почему это?.. Зачем?.. Спасибо большое... - даже такие слова как "Спасибо большое" ему подсказала сквозь непонимание и панику вежливость, - Откуда у Вас деньги? - выдал в конце концов Игорь Саныч реально его занимавший вопрос.

- Да... Да это просто так - с Новым годом... А деньги... ну, у меня накопились... немножко. Чуть-чуть. Вот, теперь раздаю - мне они не нужны.

- Как не нужны? - удивился тому Игорь Саныч, как может вообще быть такое чтоб ДЕНЬГИ и были кому-нибудь не нужны. И ещё чуть-чуть меньше, но все-таки тоже достаточно сильно, он удивился тому, как они накопиться могли у никчемного Димы. - А на лечение?.. - от жуткого удивления этого даже себя выдал Игорь, признавшись что знает о Диме и даже о самой болезни его. - Вам на лечение ведь наверное?.. - а слово "нужно" застряло в горле, ведь в вопросительном предложении могло оно быть расценено как его предложение помощи.

- Нет, на лечение больше не нужно, спасибо... совсем уже... не нужно. Ну, так вот сложилось.

- Дима, Вы объясните пожалуйста - как так сложилось? Не в общих чертах... Я просто не понимаю... Ну если не нужно Вам на лечение - на жизнь просто?..

- Ну... На жизнь тоже не нужно... - неловко засмеялся молодой человек на другом конце провода. - Я, если Вы, Игорь Александрович, не против - не стал бы сейчас объяснять... всё-таки праздник. Поверьте - я всем по чуть-чуть высылал - это не только Вам: это всем родственникам. И... я никому пока не объясняю. Никто... да никто, кстати, ещё и не спрашивал. Если хотите - потом объясню, но... Давайте, наверное, не сейчас.

- Нет, давайте уж лучше теперь. - выразил свой протест Игорь Саныч, ведь ознакомиться очень хотел бы с подводными теми камнями, что ожидают его на дне десяти этих тысяч, уж подозрительно слишком прозрачных на первый взгляд - и ознакомиться лучше как можно скорее. - А то я Вам, Дима, отправить их вынужден буду назад. Честно. Если хотите что б я их сейчас принял в качестве подарка, как Вы говорите - то объясните пожалуйста всё, целиком. - и, ожидая ответа, Игорь Саныч полез заодно и сам в приложение банка - проверить детали этого странного новогоднего перевода. Вот он... последняя самая операция - вытеснила с почетной верхней строчки в истории его собственный перевод сыну сегодня. Теперь дважды десять за день - то с карты, то на карту.

- Ну... хорошо... Только... знаете, Игорь Александрович, я Вас был попросил очень сейчас не расстраиваться перед праздником, ладно?.. - да уж... казалось и так приготовился себе-седник его к тому что расстроиться точно придется - да максимально тщательно - а теперь, вот, после просьбы этой, оказалось что может ещё даже в большую напряженную готовность он прийти. - Нет, понимаете, для меня это, лично - ну вовсе не грустная новость... но для других... Не все ведь мыслят как я - для кого-то такое ужасно. А для меня - радостно даже в какой-

то степени. Я к Богу иду и стараюсь быть с Ним - а значит это не пугающая перспектива, а напротив... прекрасная даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.